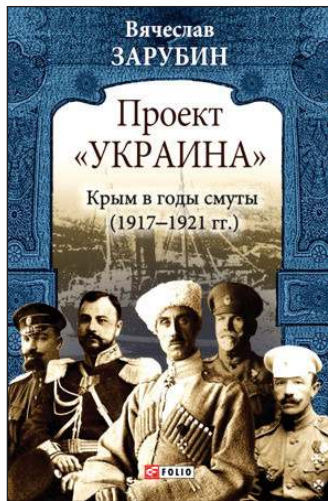

Эта книга* посвящена событиям гражданской войны в Крыму. Используя архивные данные, воспоминания, многочисленную литературу, автор постарался нарисовать общую картину жизни полуострова тех лет. Особое внимание уделяется характеристике деятельности различных государственных образований, сменявших друг друга на протяжении короткого отрезка времени — Социалистической Советской Республики Тавриды, первого и второго Крымских краевых правительств, Крымской Социалистической Советской Республики, правительства Юга России, а также непростым межнациональным отношениям в многоэтничном регионе. В книге нет мифов и домыслов, автор максимально

* «Фолио», Харьков; 2013.

объективно освещает историю Крыма в 1917–1921 гг., не замалчивая ее неприглядные моменты, о чем рассказывают, кроме представленных, главы «От Марта к Октябрю», «Большевики захватывают власть», «Республика Тавриды», «Первое Крымское краевое правительство: порядок на германских штыках», «Второе Крымское краевое правительство: крах демократического эксперимента», «Крымская ССР: второе пришествие большевизма. «Деникинщина», «Слащов и другие», «Врангель и его реформы», «Год 1921-й: война продолжается».

*Памяти моего брата Александра
посвящаю.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1997 году совместно с кандидатом исторических наук Александром Зарубиным нам удалось реализовать задуманный к 75-летию окончания гражданской войны в Крыму проект — выпустить в издательстве «Таврия» работу по ее истории, написанную на основе архивных материалов, периодики, мемуаров, многочисленной литературы. К сожалению, значительная часть полуторатысячного тиража этой книги погибла при пожаре, случившемся в октябре 2000 года в здании Крымского республиканского краеведческого музея. Правда, текст этого издания был размещен в Интернете, что позволило ознакомиться с ним значительному числу читателей, равно как и дать возможность многочисленной орде плагиаторов Крыма, Украины и России безбожно переписывать под своими фамилиями немалые из него части.

За более чем десятилетний срок, прошедший после выхода этой книги, в научный оборот было введено немало источников, опубликовано значительное количество литературы по данной проблематике. Все это вызывало настоятельную необходимость переиздания нашей работы с существенными дополнениями и исправлениями. Отдельные ее разделы в 2005–2007 годах печатались в журнале «Историческое наследие Крыма» (Симферополь). В 2008 году в издательстве «АнтикВА» тиражом в 800 экземпляров вышло второе — существенно исправленное и дополненное издание нашей книги, по объему превышающее первое более чем в два раза. К сожалению, мой старший брат, идейный вдохновитель и ведущий соавтор, не дожил до этого дня. Он скончался в Кемерово 15 декабря 2003 года.

Настоящая работа, посвященная той же теме, отличается от предыдущих тем, что значительно меньше стало сносок, теоретических выкладок, исправлены неизбежные погрешности и неточности, исключены некоторые пассажи, не касающиеся напрямую событий на

полуострове. Книга рассчитана на широкий круг читателей, ее цель — дать цельное представление о событиях 1917–1921 годов в Крыму.

НАЧАЛО БРАТОУБИЙСТВЕННОЙ БОЙНИ

После получения известий об октябрьских событиях в Петрограде утром 26 октября в Севастополе было созвано расширенное заседание исполкома совета при участии представителей профсоюзов, заводов, корабельных и солдатских комитетов и городской думы. Тем временем Центральный комитет Черноморского флота организовал демонстрацию в поддержку свершившейся революции. Прервав заседание, эсеро-меньшевистский исполком принял весьма неожиданное решение о взятии власти в свои руки. В центр была послана телеграмма: «Петроград. Петроградскому Совету, Всероссийскому съезду Советов. Приветствуем победную революцию. Власть Советом взята. Ждем дальнейших распоряжений. Севастополь». На следующий день пленум совета подтвердил содержание приветственной телеграммы.

Командующий флотом контр-адмирал А.В. Немитц, опасаясь осложнений, приказал поддержать власть советов. (Он же отдал 30 октября приказ о сдаче всего огнестрельного оружия, которому матросы, естественно, не подчинились.) ЦК ЧФ обратился с приветствием к Петроградскому военно-революционному комитету.

Чем же объяснить такой зигзаг Севастопольского совета, сделанный вразрез с тактическими установками ПСР и РСДРП(об.)? Настроением рабочих и флота, бурными митингами и демонстрациями, общим полевением партийных организаций Крыма, а также, вероятно, расчетом, что II Всероссийский съезд советов пойдет на компромисс — создание однородного социалистического правительства. Когда же ситуация в столице и губернии прояснилась, исполком совета заявил о неприемлемости в переживаемый момент социалистической революции, непризнании, в принципе, советской власти как отражающей интересы только части населения, поставил под сомнение легитимность нового правительства — Совета Народных Комиссаров (СНК), — избранного на II съезде. Свою резолюцию 26 октября совет характеризует теперь как имевшую «временный» характер и избирает тактику лавирования между противоборствующими сторонами.

Прочие советы, а также партии и общественные движения встретили октябрьские события в Петрограде крайне отрицательно. Они учитывали состояние умов крымского населения (исключая весомую часть флота, рабочих завода А.А. Анатра в Симферополе и Севастопольского морского завода), как огня страшившегося междуусобицы.

I-й Таврический губернский съезд профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов Крыма 1 ноября принимает резолюцию о текущем моменте: «<...> Правительство большевиков, создан-

ное путем братоубийства и *гражданской войны* (курсив наш; термин уже входит в повседневный обиход. — Авт.), перед самыми выборами в Учредительное собрание <...> неспособно разрешить основные задачи революции, ибо основано на вражде и разногласии внутри самой демократии, не пользуется признанием всей революционной демократии, является правительством одной политической партии и может держаться только террором и насилием. Власть должна перейти к однородному демократическому правительству, основанному на соглашении всех социалистических партий; гражданская война и кровопролитие должны быть немедленно прекращены, проклятая вражда внутри демократии должны быть окончена. <...> ».

Крымско-татарское руководство дополнило оценку событий практическими выводами: «...Разыгравшиеся в Петрограде кровавые события, парализовав силу существующей власти, открывают путь для анархии и гражданской войны, размер и губительные последствия которой теперь трудно представить. Искры петроградского пожара летят по всей стране и кое-где они попали на горючий материал». Чрезвычайное собрание представителей мусульманских революционно-демократических и военных организаций (числом 12) сочло необходимым создать исключительно из представителей революционно-демократических и социалистических организаций орган для поддержания порядка в крае и защиты революции, сформировать вооруженные отряды для защиты Симферополя (надо полагать, от черноморцев) и координирующий их деятельность Крымский революционный штаб (каковой и приступил к работе 31 октября).

О кадетях в документе сказано особо: «...Вплелись в демократию... и стараются не выпускать из своих рук руководство местной политической и общественной жизнью, давая проявлению последней желательное им направление и освещение. Взять для примера хотя бы кадета комиссара Богданова, который, игнорируя недоверие к нему населения и революционных организаций, продолжает творить на посту комиссара свое кадетское дело». (Принято 28 октября.)

Итак, крымско-татарские активисты «объявили войну» на два фронта — против большевиков слева и против кадетов справа.

Резолюцию по поводу петроградских событий принимает собрание представителей общественных и революционных организаций: «Собрание осуждает попытку насильственного захвата власти со стороны большевиков Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Попытка эта является преступной авантюрой, могущей затормозить своевременный созыв Учредительного собрания». Собрание избрало Губернский революционный комитет. 28 октября он был переименован в Губернский комитет спасения родины и революции.

Тем временем татары объявили войну ненавистному им Таврическому губернскому комиссару Н.Н. Богданову. Поскольку Комитет спасения не спешил удовлетворять требования татар о дезавуирова-

нии Богданова, они, вкупе с украинцами и севастопольскими матросами, покинули 29 октября заседание Комитета, после чего тот благополучно самоупразднился (6 ноября), уступив гегемонию Крымскому штабу. 4 ноября Богданов все-таки ушел в отставку, уступив место своему помощнику, правому социал-демократу П.И. Бианки. В губкомиссариат вошли также А.С.-А. Озенбашлы от татар и Близнюк от украинцев, последнего сменил В.И. Поливанов от земств.

В целом же октябрьские события в Петрограде сколько-нибудь заметной реакции в Крыму не вызвали.

«Еретически» прозвучало постановление Евпаторийского комитета большевиков (В.А. Елагин и другие): «Считать Октябрьский переворот в Петрограде несвоевременным, так как большевики, не имея большинства в рабочем классе, едва ли сумеют удержать власть в своих руках». Под давлением руководителей крымских большевиков Ж.А. Миллера и Ю.П. Гавена это постановление было отменено, а 5 ноября избран новый комитет.

Губисполком созывает Губернский съезд советов (Симферополь, 16–17 ноября), на котором из большевиков присутствовал только Миллер. (Большевики все более отстранялись от лагеря, считавшего себя демократическим.) Съезд 9 голосами против 7 объявил октябрьский переворот «преступной авантюрой», признал решения II съезда советов неправомочными и констатировал необходимость передачи власти «Таврическому съезду представителей городских дум, земств, демократических и национальных организаций» — «демократическому совещанию Тавриды». Таким образом, съезд призвал все меньшевистские силы к консолидации.

Приготовления к решительным действиям развернулись и в противоположном лагере. 6–10 ноября в крайне наэлектризованной атмосфере проходил 1-й Общечерноморский (Черноморский флотский) съезд, где большевики вместе с левыми и украинскими эсерами могли диктовать свои условия. Меньшевики и правые эсеры в конце концов покинули съезд. По просьбе представителя рабочих Ростова-на-Дону, съезд постановил отправить им на помощь в борьбе с белоказаками А.М. Каледина отряд матросов. Вооруженные отряды было решено послать также в Киев и на Кубань. Для большевиков имелся большой резон в этом решении: они получали в свое распоряжение «легитимные» вооруженные силы и возможность проверить их в практических действиях, дабы потом использовать в Крыму. Съезд одобрил украинизацию флота (при санкции на то Всероссийского Учредительного собрания; впрочем, она шла спонтанно и без всяких санкций), направил приветствия всем флотам и армиям революционной России, В.И. Ленину и СНК с обещанием поддержки Черноморским флотом, а также принял резолюцию «О текущем моменте», предложенную Ю.П. Гавеном: «<...> Черноморский флот считает вновь избранный

съездом Советов ЦИК единственным источником власти... Съезд призывает всех матросов, солдат, рабочих и крестьян сплотиться вокруг своих Советов и поддерживать их в борьбе с контрреволюцией». Сместив на посту комиссара Черноморского флота эсера И.И. Бунакова-Фондаминского, съезд назначил на это место большевика В.В. Роменца.

Против решения съезда о посылке отрядов было командование Черноморского флота, однако его мнение игнорировалось. А Севастопольский совет только после ожесточенной полемики, благодаря альянсу большевиков и украинских эсеров (последние стремились поддержать Центральную Раду), 182 голосами «за» (89 — «против» и 28 — «воздержалось»), поддержал необходимость направления отрядов на Дон и в Киев.

На помощь ростовцам из Севастополя отплыла флотилия и выехал эшелон с матросами в количестве 2500 человек во главе с анархистом А.В. Мокроусовым. В конце ноября десант, отступив под натиском офицерских и казачьих частей, но обогатившись боевым опытом, возвратился обратно, став мощным фактором «углубления революции». Отряд численностью до 700 человек направился в Киев. Позиция руководства и офицеров флота по поводу посылки отрядов была расценена как поддержка Каледина. С 15 ноября в Севастополе начались самочинные аресты офицеров матросами.

Большевики провели смотр своих сил на 2-ю Таврической губернской конференции 23–24 ноября. К тому времени их число достигло 1800 человек. Конференция приняла решения: 1/ признать правильной политику ЦК РСДРП(б); 2/ организовать отряды Красной гвардии; 3/ поручить «тройке» — Ю.П. Гавен, Н.И. Островская, С.В. Констансов — подготовить издание партийного органа: «Таврической Правды». Разрабатывать план захвата власти участники съезда считали несвоевременным (пока).

20 ноября делегаты от земств, городов, советов и профсоюзов собрались на Губернский съезд представителей городских и земских самоуправлений. Большевики и кадеты отсутствовали. После весьма дружелюбных дебатов участники съезда вынесли основную резолюцию: «До выяснения воли населения Крыма крымским учредительным собранием, которое должно быть создано в ближайшем будущем, и воли населения трех северных уездов — путем ли опроса или путем особого учредительного собрания, — в Таврической губернии учреждается орган управления губернией — Таврический губернский совет народных представителей (СНП. — *Авт.*) — как временный высший орган губернской власти, ответственный перед органом, его создавшим, и будущей центральной законной властью».

Избрав СНП в составе 48 членов (включая, помимо городов, земств, советов, профсоюзов, фабзавкомов, Крымского революционного штаба, национальные представительства в лице татар и украин-

цев — по три человека, великороссов — два, евреев и крымчаков — два, немцев — два, греков, армян, эстонцев — по одному) и президиум во главе с крестьянским делегатом И.И. Штваном, съезд под аплодисменты, здравицы и поцелуи 23 ноября завершился. Создание СНП было первой попыткой в истории Крыма XX века образовать представительный многонациональный орган власти, пользующийся доверием населения.

СНП формально имел свои вооруженные силы в виде частей, подчинявшихся Крымскому революционному штабу — он же объединенный, или краевой, или Штаб крымских войск. Штаб подразделялся на отделы: политический, снабжения и интендантский, юридический, санитарно-ветеринарный, канцелярию военного директора — Дж. Сейдамета. Помощником Сейдамета, начальником политотдела стал полковник В.В. Макухин (Макуха) (расстрелян в январе 1918 года большевиками). Интересно, что должность командующего войсками предлагалась генерал-майору П.Н. Врангелю, пребывавшему тогда в Крыму. Тот вспоминал: «Начальник штаба полковник Макуха произвел на меня впечатление скромного и дельного офицера. Поглощенный всецело технической работой, он, видимо, был далек от политики. Последняя оказалась окрашенной типичной керенщиной: предполагая опереться на армию, штатский крымский главковерх (Сейдамет. — *Авт.*), так же, как и коллега его в Петербурге (Н.Н. Крыленко. — *Авт.*), мыслил иметь армию демократизированную с соответствующими комитетами и комиссарами. С первых же слов моего свидания с Сейдаметом, я убедился, что нам не по пути, о чем откровенно ему и сказал, заявив, что при этих условиях, я принять предлагаемую мне должность не могу».

Костяк частей Штаба крымских войск составили 1-й и 2-й крымско-татарские полки (эскадронцы) и 1-й крымско-татарский полк свободы («Уриет»). Были здесь и русские офицеры и даже французы, включая летчиков под командой полковника Монтеро. Несмотря на пессимистические свидетельства Врангеля, Крымский штаб представлял по тому времени сравнительно боеспособные части, что прошли Первую мировую войну, насчитывавшие от 2 до 5 тысяч человек.

Деятельность Совета оказалась, вопреки ожиданиям, вялой и бесцветной, никак не соответствующей переживаемому моменту. Он ограничился разработкой избирательного закона в связи с так и не созданным крымским учредительным собранием, финансовыми вопросами. Участники СНП, отражая интересы стоявших за ним политических и национальных кругов, тянули одеяло каждый на себя и занялись собственными проектами. Все это было только на руку большевикам, которые вместе с другими крайне левыми СНП не признали, немедленно окрестив его «Советом народных предателей».

12–14 ноября проходили выборы в Учредительное собрание. Степень политизированности и уровень надежд на Учредительное со-

брани в Таврической губернии будем считать средними: на участки явилось 54 % электората. Результаты выборов: из 555851 (без Перекопского уезда и некоторых участков) ПСР получила 291549 голосов, мусульмане — 64880, украинские эсеры — 61177, кадеты — 38108, большевики — 31154, русские немцы — 23590, меньшевики — 14693, евреи — 13145, земельные собственники — 8022, народные социалисты — 4544, «Единство» — 2182, Поалей-Цион — 1712, бердянские крестьяне — 82597. Согласно подсчетам В.И. Королева, среди политических партий эсеры уверенно заняли первое место (67,9 % голосов, в том числе украинские эсеры — 10,7 %), второе — кадеты (6,8 %), третье — большевики (5,5 %), четвертое — меньшевики (3,3 %), пятое — народные социалисты (0,8 %). По национальным спискам: крымскотатарский (11,9 %), немецкий (4,8 %), еврейский (2,4 %). 77,5 % голосов получили социалистические партии. «<...> Таврическая губерния (как и вся страна в целом) в роковом 1917г. серьезно «заболела» социализмом и другого пути развития Российского государства не видела (курсив наш. — Авт.)».

Членами Учредительного собрания были избраны: С.А. Никонов, В.Т. Бакута, И.П. Попов, Н.И. Алясов, Р.Н. Толстов, С.С. Зак, Д.Г. Головки (ПСР), В.Н. Салтан (украинский эсер), Дж. Сейдамет (крымские татары).

Флот дал эсерам 22200 голосов, большевикам — 10800, украинским эсерам и другим — 19500. Членами Учредительного собрания избираются эсер И.И. Бунаков (Фондаминский) (принял активное участие в работе собрания) и большевичка Н.И. Островская.

5 января в Петрограде Учредительное собрание было разогнано большевиками. Сильной реакции в стране, включая Крым, это не вызвало.

7 ноября Центральная Рада приняла III Универсал, в котором провозглашалась Украинская Народная Республика (УНР), но — в составе демократической Российской Федерации, которую еще только предстояло создать. В состав УНР были включены три северных уезда Таврической губернии «без Крыма» (так губерния разрывалась на две части). Вместе с тем Рада выражала притязания на Черноморский флот.

В том же месяце Центральная Рада довела до сведения Мусисполкома, что Украина не имеет территориальных претензий к Крыму и поддерживает национальное движение крымских татар. Это усилило наметившееся с лета взаимопритязание украинского и татарского национальных движений.

В данной связи весьма любопытным будет достаточно циничное мнение Дж. Сейдамета по поводу Центральной Рады и ее политики: «Без сомнения, — писал он в своих мемуарах, — даже украинцам, с которыми мы поддерживали более или менее дружественные связи, полностью доверять было бы глупо. Вполне возможно, что они стре-

мились ослабить нас, воспользовавшись нашим противостоянием с русскими, так как и от них, естественно, можно было ожидать появления желания взять власть в Крыму в свои руки. А поэтому идею независимости Крыма мы оберегали как от русских, так и от украинцев, одновременно надеясь и рассчитывая на покровительство Турции».

Что касается крымских большевиков, то они в 1917–1918 годах не выработали более-менее логичной и привлекательной линии в национальном вопросе. По словам Ю.П. Гавена, сказанным тринадцать лет спустя: «Надо прямо сказать, что в период советской власти в Крыму в 1917 году мы не сумели правильно поставить и разрешить национальный вопрос. Наши организации до захвата власти в городах были очень слабы; революционная деятельность и их влияние ограничивались почти исключительно узкой сферой городского пролетариата и, главным образом, флота. Горную, т.е. татарскую деревню мы тогда почти совсем не знали. Работников, более или менее видных большевиков, выросших в крымских условиях, у нас не было, за исключением Островской, выросшей в Крыму. Руководителями революционного движения были товарищи, приехавшие из других районов России... Руководители крымской большевистской организации серьезно обратили внимание на национальный вопрос только тогда, когда татарский Курултай уже двинул против советов вооруженные эскадроны».

Выше уже говорилось, что на ноябрьском Общечерноморском съезде большевики выступили единым альянсом с украинскими эсерами, признав необходимость украинизации флота. Далее. На объединенном заседании Крымского революционного штаба с общественными организациями 15 ноября большевик Ж.А. Миллер «приветствует при рукоплесканиях украинцев и татар украинство, решившее национальный вопрос в духе революционного пролетариата, и призывает мусульман последовать этому примеру, объявив крымскую республику (курсив наш. — Авт.)». Правда, такие речи, мягко говоря, вряд ли соответствовали позиции, занятой II-й конференцией большевиков Таврической губернии, которая 24 ноября приняла резолюцию: «Констатируя, что население Крыма состоит из различных национальностей, из которых татары не являются численно преобладающим элементом... съезд (т.е. конференция. — Авт.) считает в силу местных особенностей единственно правильным решением вопроса об автономии Крыма референдум (народное голосование) среди всего населения Крыма». Идея референдума, однако, промелькнув, исчезла.

10 декабря в Севастополь были доставлены тела 18 матросов, павших в сражениях под Белгородом, через день возвратились остатки первого Черноморского революционного отряда, разгромленного на Дону. Вина за неудачи была возложена на лейтенанта А.М. Скаловского, одного из четырех офицеров, бывших в отряде. Под Тихорецкой он был расстрелян матросами «Похороны матросов были колоссаль-

ной демонстрацией: убитых уложили в открытые гробы, не обмытых, в крови, с зияющими ранами. Процессию сопровождали все матросы, весь гарнизон, все оркестры и громадная толпа простонародия, всего тысяч сорок. Вся эта масса обошла город, часто останавливаясь при произнесении самых кровожадных речей, направленных против офицеров и интеллигенции. Толпа ревела, требовала немедленного избивения офицеров...». После похорон мичман эскадренного миноносца «Фидониси» Н. Скородинский, только в июле 1917 года окончивший училище и направленный на Черноморский флот, лояльно относившийся к новой власти и пользовавшийся авторитетом своей команды, позволил себе публично усомниться в деятельности председателя Севастопольского комитета большевиков Н.И. Островской, после чего был тут же смертельно ранен матросом и скончался, не приходя в сознание, на следующий день в госпитале (по другой версии, Н. Скородинский 12 декабря на «Фидониси» был смертельно ранен кочегаром Коваленко за то, что тот сделал ему замечание за нерадивую службу). Гроб мичмана сопровождали на кладбище «более тысячи морских и сухопутных офицеров, печальных и мрачных, с опущенными головами», они «медленно двигались за гробом, без музыки, без певчих и без почетной полуроты...». Никакого сочувствия «улицы» похороны мичмана не вызвали. Напротив, они сопровождались зловещими сентенциями: «Собаке собачья смерть», «Скоро всем конец». Эти мрачные кладбищенские действия стали прелюдией кровавых событий.

Представители прибывшего из-под Белгорода матросского отряда на заседании Севастопольского совета 12 декабря заявляют, что отряд не признает его авторитета и распоряжений, требуя в 24 часа очистить помещение исполкома, угрожая в противном случае разогнать совет силой.

В этот же день на созванном большевиками митинге принимается резолюция о немедленном переизбрании совета. Матросы-украинцы эсминцев «Жаркий» и «Зоркий» на своем митинге заявляют о непризнании Центральной Рады и поддержке советской власти на Украине, провозглашенной 12 декабря в Харькове на I Всеукраинском съезде советов, и требуют отозвать своего представителя из Генеральной Морской Рады.

Фракция большевиков выходит из состава исполкома Севастопольского совета. Судовые команды выносят грозные резолюции: «Сметем всех явных и тайных контрреволюционеров, старающихся препятствовать на пути к завоеванию революции»; «Ни одного револьвера, ни одной сабли у офицеров быть не должно. Все виды оружия должны быть у них отобраны». Масло в огонь подливали находившиеся в Севастополе кронштадтцы.

Резня, каковую одни ждали с трепетом, другие накликивали, произошла 15–17 декабря. Внешним поводом послужили воспоминания о Морском суде 1905 и 1912 годов, где матросов, замешанных в восстани-

ях, приговаривали к расстрелу и каторге. Решено было убивать только участников этих судилищ. Однако террор обрушился на всех морских и некоторых сухопутных офицеров. Матросы миноносцев «Гаджибей» и «Фидониси» расстреляли своих офицеров на Малаховом кургане. По имеющимся сведениям, их было 32108.

Аресты офицеров происходили не только в Севастополе. По требованию команды подводной лодки «Тюлень» выдан ордер на арест в Сулине (Румыния) капитана 2-го ранга П.С. Бачманова, в Симферополе — капитана 2-го ранга В.Д. Брода. 21 декабря были арестованы в Новороссийске и доставлены в Севастополь начальник 7-го отряда транспортов Транспортной флотилии контр-адмирал М.Г. Львов, флаг-офицер того же отряда старший лейтенант Б.Н. Черный и командир временного военного Новороссийского порта капитан 1-го ранга П.В. Верховский, в Трапезунде (Турция) по подозрению в погроме арестован прапорщик Л.С. Волосевич и т. д.

Тем временем СНК телеграфировал комиссару Черноморского флота В.В. Роменцу: «Действуйте со всей решительностью против врагов народа, не дожидаясь никаких указаний сверху. <...> Переговоры вождями контрреволюционного восстания безусловно воспрещены». Очевидец свидетельствует: «В комнату совершенно явственно ворвались звуки частой ружейной стрельбы и крики. Мы бросились на балкон и совершенно определенно убедились, что стрельба идет во всех частях города... <...>».

Вся небольшая вокзальная площадь была сплошь усеяна толпой матросов, которые особенно сгрудились правее входа. Там слышались непрерывные выстрелы, дикая ругань потрясала воздух, мелькали кулаки, штыки, приклады... Кто-то кричал: «пощадите, братцы, голубчики!»... кто-то хрипел, кого-то били, по сторонам валялись трупы — словом, картина, освещенная вокзальными фонарями, была ужасна. <...> ...Я увидел очередь, стоявшую у кассы, и стал в конец. Весь хвост был густо оцеплен матросами, стоявшими друг около друга, а около кассы какой-то матрос с деловым видом просматривал документы. Впереди меня стояли двое, очевидно, судя по пальто, хотя и без погон и пуговиц — морские офицеры. Вдруг среди непрерывных выстрелов и ругани раздался дикий, какой-то заячий крик, и человек в черном громадным прыжком очутился в коридоре и упал около нас. За ним неслось несколько матросов — миг и штыки воткнулись в спину лежащего, послышался хруст, какое-то звериное рычанье матросов... Стало страшно... Наконец я уже стал близко от кассы. Суровый матрос вертел в руках документы стоявшего через одного впереди меня.

— Берите его, — проговорил он, обращаясь к матросам.

— Ишь ты — втикать думал...

— Берите и этого, — указал он на стоявшего впереди меня.

Человек десять матросов окружили их... На мгновение я увидел бледные, помертвелые лица, еще момент, и в коридоре или на лест-

нице затрещали выстрелы...<...>. Севастопольский Совет раб[очих]. деп[утатов]. умышленно бездействовал. Туда бежали люди, бежали известные революционеры, молили, просили, требовали помощи, прекращения убийств, одним словом, Совета, но Совет безмолвствовал: им теперь фактически руководила некая Островская, вдохновительница убийств, да чувствовалась паника перед матросской вольницей. И лишь на другой день, когда замученные офицеры были на дне Южной бухты, Совет выразил «порицание» убийцам... Всего погибло 128 отличных офицеров».

И это была только репетиция. Именно в те дни в Севастополе родилось выражение «Варфоломеевские ночи», вскоре «принятое» всем Крымом. Так, в ночь на 16 декабря в Севастополе победила «советская» власть.

Вполне вписываясь в тот контекст, в который была вброшена Россия Февральской революцией и воследовавшими событиями, Мусисполком выдвигает 3–4 ноября лозунг «Крым для крымцев», причем как стратегический. Опубликованное им «Воззвание» гласило: «Крымско-Мусульманский Исполнительный Комитет как выразитель воли крымских татар, не желая допустить в Крыму гегемонии какой-либо народности над другой, а также не допуская мысли о распространении власти какого-либо государства над Крымом, признает «Крым для немцев» и находит, что чрезвычайные обстоятельства повелевают народам Крыма взять на себя заботу об устройении судьбы своего Крыма и объединиться для общей дружной работы на благо всех народов, населяющих Крым. Как и в какой форме может быть разрешена поставленная ныне перед Крымом эта задача, может разрешить только коллективное мнение и воля живущих в Крыму всех народностей».

3 ноября торжественно открылся Национальный татарский музей в Ханском дворце (Бахчисарай). Этот музей стал не только собственно национальной, религиозной святыней татар, но и, теперь, политической базой Мусисполкома-Курултая. В получившей широкую известность речи муфтия Ч. Челебиева на открытии музея проводилась та же идея единения всех крымчан для блага Крыма: «На Крымском полуострове имеются разных цветов и оттенков много прекрасных роз и цветов. Каждый из этих роз и цветов имеет особую свою красоту и свойственный ему приятный аромат. Задача Курултая собрать все эти дивные цветы в один букет. Татарский *Курултай* имеет в виду не одних лишь татар (курсив наш. — Авт.), его взоры обращены и к другим народностям, в течение веков живущим с татарами дружной братской жизнью. <...> Татарский народ признавал, признает и всегда будет признавать права каждой национальности. Татарский Курултай наравне с чаяниями и идеями татар будет чтить также идеи и чаяния живущих с ними в Крыму и других народностей. Курултай будет приглашать эти народности к совместной работе и усилиям для достижения общих для всех благ».

Итак, программа действий «курултаевцев» обогащается в ноябре новыми штрихами. Появляется знаменитый лозунг «Крым для крымцев». Причем «крымцы», вопреки традиции, фигурируют здесь как все крымчане, независимо от национальности. Но это понятие повисает в воздухе, поскольку ни этнически, ни юридически не определено. Будем считать, что подразумеваются потомственные жители Крыма.

Рада дает словесные заверения того, что на территорию Крыма (видимо, и в случае достижения полной независимости Украины) она претендовать не будет. Право управления полуостровом предоставлялось Киевом крымским татарам. Однако в случае формирования аппарата этого управления из его компетенции исключались дела внешние и военные, остававшиеся в ведении федеральных органов. Что касается большевиков, то «курултаевцы» придерживались тактики муфтия Челебиева: не смешивать петроградских и крымских большевиков. Резко осудив октябрьский переворот, «курултаевцы» предпочитали в отношении местных большевиков придерживаться политики нейтралитета. Правда, политика эта дала трещину в декабре и ушла в небытие в январе.

26 ноября в зале Баб-и-Диван/Диван-и-Али (Зал суда) дворца-музея в Бахчисарае открылся Курултай, начавший работу как учредительное собрание крымско-татарского народа и продолживший ее как постоянно действующий орган — мусульманский парламент. Очевидец описывает: «Бахчисарай был разукрашен бесчисленными красными и голубыми флагами. На ханском дворце был вывешен национальный голубой флаг. В Бахчисарай прибыли более 10 тысяч татар и татарок из различных районов. По главной улице и при дворце охраняли порядок эскадроны, которые устроили парад депутатам (членам) Курултая». Делегаты прослушали богослужение и провели общую молитву в ханской мечети. Было решено, что «во дворце состоятся только первое и последнее заседания Курултая, чтобы избежать лишнего ущерба памятнику архитектуры. Над местом, предназначенным для Президиума курултая, были повешены три знамени: светло-голубое, зеленое и красное. Они последовательно символизировали нацию, религию и революцию. Под ними располагалась золотая тамга Гиреев — символ крымской независимости».

Создание Курултая объяснялось давностью традиций, политической зрелостью татар Крыма. При этом вспоминался Курултай 1206 года, провозгласивший Темучина великим ханом с титулом Чингисхан, указывалось на «государственную мудрость монголо-татар, которая красной нитью проходит через всю их историю».

Действительно, курултаи (курултаи) — своеобразные съезды правящего рода — были характерны для периода Чингисхана, «но с окончательным разделением империи монголов на самостоятельные во всех отношениях государства сведения о курултаях встречаются все реже и реже и, наконец, совсем исчезают из источников. Необходи-

мость в этом институте, носившем в значительной степени догосударственный военно-демократический характер, отпадает с появлением наследственной монархии. В Монголии, где были более сильные кочевнические традиции, курилтай собирались вплоть до воцарения Хубилая...», однако в имеющихся источниках нет конкретных сведений об их проведении в Золотой Орде и в Крымском ханстве (XV–XVIII века), в котором существовал *Диван* (перс.) — государственный совет, орган исполнительной власти, включавший высших должностных лиц, представителей мусульманского духовенства и т.д. В случае чрезвычайных событий собирался великий *кенгеш* — общий совет ханства, куда входили высшая знать, постоянное войско и проч. Знаменем национального движения (с тех пор и до наших дней) стало «голубое знамя Чингиса» (кок-байрак).

В выборах делегатов Курултая приняло участие более 70 % татарского населения Крыма (по закону о выборах, разработанному Мусисполкомом, они проводились как всеобщие, прямые, равные при тайном голосовании и возрастном цензе в 20 лет), избрано — 76 (из них четыре женщины): от Симферополя — 19, Ялты — 24, Феодосии — 16, Евпатории — 11, Перекопа — 6. Буржуазия и рабочие представляли среди делегатов ничтожное меньшинство, подавляющее же большинство составляла молодая интеллигенция — *джадиды*. Одним из главных действующих лиц Курултая стал Челебиев, выступивший с речью в день открытия.

«Сегодня возрождается наша политическая жизнь, которая была прервана полтора века тому назад, — заявил муфтий. — Собравшийся в зале Верховного суда Курултай восстанавливает уничтоженную русским абсолютизмом татарскую национальную государственность. Татарская нация сегодня заново рождается. Раны, нанесенные гнетом и тиранией русского деспотизма, и по сей день кровоточат в нашей общественной жизни. <...>».

Татарский народ, признавая равенство всех людей, в то же время рядом со знаменами других наций поднял на Курултае свой собственный национальный флаг и будет отныне строить свою жизнь на основе собственной конституции по законам братства».

Курултай приветствовали: от православного населения Крыма, русских и греков — член городской управы Бахчисарая Хаджеватов; от иудеев — Амалинский; представитель Крымского конного полка; три члена Украинской Центральной Рады; персонально — Симон Петлюра; делегация матросов Черноморского флота; телеграммой — Украинский комитет в Севастополе, а также латвийские организации, «было получено много приветствий и приветственных телеграмм от всех тюрко-татарских национальностей России».

В президиум Курултая были избраны Ч. Челебиев, Дж. Сейдамет, С.-Дж. Хаттатов, изменивший свою позицию А.Х. Хильми, Зареддин Эфенди, Шефика Гаспринская (дочь И. Гаспринского) и А.С.-А.

Озенбашлы. «После этого в саду ханского дворца состоялся парад эскадронцев в честь депутатов под руководством офицера Парпетова Рустема. Во время парада духовой оркестр играл исторический тамерлановский «долу» (марш)».

Курултай заседал, с перерывами, 18 дней. «Бурность и страстность иного заседания курултая доходили до того, что казалось: вот-вот разойдутся все по домам, оставив без определенного решения дальнейшую судьбу пославшего их в Курултай народа». Что неудивительно, ибо в национальном движении к этому времени выделяются три крыла: левое, включая секретаря Курултая А.А. Боданинского, а также С.И. Идрисова, С.М. Меметова и др., считавшее необходимым создание властного органа из трех элементов: татарского парламента, СНП и большевиков; центр, представленный, не без оговорок, прежде всего муфтием Ч. Челебиевым, порой готовым идти на компромиссы с большевиками; праворадикалы во главе с Дж. Сейдаметом, непримиримым противником большевизма, получившим среди левых прозвище «второго Наполеона».

Сам Дж. Сейдамет дает несколько иную классификацию: правые — 8–9 депутатов из среды традиционалистского духовенства, левые (социалисты) — 11–13, прочие, огромное большинство, — центр. «Центр Курултая, — пишет *Сейдамет* в своих мемуарах, — был глубоко национальным; он базировался на историческом прошлом крымских тюрок и их национальной трагедии. Этот центр был инициатором созыва самого Курултая. Его стремлением было по возможности скорейшим образом превратить Крым в народную республику и образовать национальный парламент. Противовес этому составляла левая группа Курултая, образованная из духовных наследников крымско-тюркской молодежи периода революции 1905 года; она находилась под сильным влиянием русской революционной партии и ставила на первый план дело защиты революции и решение социальных проблем. Левая группа, которая была против отделения Крыма от остальной революционной России, возлагала свои надежды на Всероссийское Учредительное собрание, которое должно было конституционным путем создать федеративное демократическое государство; поэтому она занимала негативную позицию по вопросу о созыве Учредительного собрания в Крыму. Центр же был того мнения, что большевики не допустят созыва Всероссийского Учредительного собрания, и выдвигал требования созыва Учредительного собрания в Крыму, которое он считал нужным провести даже в случае созыва Всероссийского Учредительного собрания, чтобы осуществить право крымского населения на самоопределение. При этом, стремления центра были связаны с *задачей отделения Крыма от России* (курсив наш. — Авт.). Наконец, центр считал необходимым действовать заодно со всем мусульманско-тюркским населением России и выполнить решения Первого Всероссийского мусульманского съезда о территориальной автономии. Это

также противоречило позиции левого крыла. Однако по вопросу о социальных и общественных реформах центр и левое крыло были совершенно едины и согласны друг с другом, даже центр проявлял большую радикальность, чем левое крыло...».

В последний день работы, 13 декабря, Курултай провозгласил Крымскую Демократическую Республику, утвердил ее Конституцию (Крымско-татарские основные законы), избрал руководство Курултая (члены президиума — А.С. Айвазов, А.Х. Хильми, Дж. Аблаев, секретари — С.О. Таракчи и А.А. Боданинский) и, сорока голосами против двадцати, Совет директоров (Директорию) — Национальное правительство (председатель и директор юстиции — Ч. Челебиев; директор внешних (в отношении иных национальностей. — *Авт.*) и военных дел — Дж. Сейдамет, директор финансов и вакуфов — С.-Дж. Хаттагов; директор по делам религии — Амет Шукри; директор народного просвещения — Ибраим Озен-башлы), а также обратился к населению Крыма с «Объявлением Крымско-татарского национального правительства». Его основное содержание: «Крымско-татарское национальное правительство заботится о счастье и спасении не одного только татарского народа; оно считает священной своей обязанностью защиту личной, имущественной безопасности и чести всех своих крымских соотечественников и защиту высоких лозунгов великой революции. <...>. ...Отныне, воодушевляемые высокими и святыми чувствами братства и гражданства, не останавливаясь ни перед какими жертвами, крымские татары совместно с революционной демократией будут стремиться к недопущению всеразрушающего действия анархии, уже надвигающейся и на Крым и не щадящей на своем пути ни памятников старины, ни памятников искусства, ни храмов науки и культуры. Крымско-татарское национальное правительство категорически и неуклонно решило поддерживать порядок и спокойствие на полуострове; оно решило положить предел царящим в крае голоду, финансовой разрухе, всевозможным захватам и уже показывающей свою голову анархии».

Парламент уполномочил правительство, которое с 14 декабря обосновалось в Симферополе, созвать Всекрымское Учредительное собрание в феврале 1918 года. Разгоревшаяся гражданская война не позволила это сделать ни в феврале, ни когда бы то ни было.

Дж. Сейдамет особо остановился на задачах Штаба крымских войск (куда, кстати, еще от Мусисполкома вошли И. Озенбашлы, А.А. Боданинский, А. Тулеев). Они ему казались так: «Штаб крымских войск, являясь высшим краевым военным органом, ставит своей ближайшей задачей: путем организации военной силы края — организации национальных частей народов Крыма — установить правопорядок в крае, обеспечить спокойствие населения и довести его до Крымского Учредительного собрания».

Утвержденная Курултаем конституция — Крымско-татарские

основные законы — декретировала создание Крымской Демократической Республики, загнав, однако, это провозглашение в самый конец текста и сделав его как бы между прочим (статья 16). Здесь мы сталкиваемся с малопонятным противоречием. С одной стороны, конституция фактически декретировала создание нового государства. С другой, статья 12 заявляла, что «форма правления Крымом может быть определена Крымским Учредительным собранием». Последнее упоминалось также в статьях 13 и 14. Это подметили современники, но вразумительного разъяснения Курултай так и не дал. Об автономии в составе Российской федерации конституция не упоминала.

В статье 1 говорилось, что Курултай признает «за всеми народностями право на полное самоопределение», и в статье 15: «судьба того или иного края может быть решена только голосом самого народа, населяющего этот край, но ни в коем случае не дипломатами». Статья 2 постановила учредить постоянный парламент (Меджлис-и-Мебусан — Собрание депутатов), избираемый всем татарским населением на основе свободных, равных и прямых выборов при тайном голосовании. Статья 17 отменяла титулы и сословные звания, а 18-я узаконивала равенство мужчины и женщины.

При всей неполноте и противоречиях конституция, выработанная Курултаем, носила определенно демократический характер. Другой вопрос — что было подпочвой конституции? Результат движения по инерции — замах на государственность с этнической доминантой и благостными обещаниями-перспективами. Как откровенно заявит в интервью константинопольской газете «Ихдам» А.С. Айвазов в следующем году: «Наша <...> цель была, принимая все меры, утвердить самостоятельность Крыма и, таким образом, *дать коренному населению господствующее положение* (курсив наш. — Авт.)». Такие фигуры, как Сейдамет, Айвазов, да и сам Челебиев, видели в Основных законах одну из «станций» на пути к татарской этнократии в Крыму.

Позднее, в эмиграции, Дж. Сейдамет оценит курултаевскую конституцию следующим образом: «...При изучении конституции крымских тюрков можно заметить, что в ней преобладает идея тюркской государственности, а не идея французской независимости или русского размаха. В нашей конституции идея истинной демократии (что следует понимать под «истинной демократией»? — Авт.) прослеживается гораздо больше, чем идея социальной революции и свободы. В этом историческом документе в довольно ясной форме проявилась способность всех тюрков к истинной государственности...».

Этой подпочвы не заметили крымские демократы, благожелательно оценившие курултаевскую конституцию. На заседании Крымского комитета РСДРП (меньшевики) 19 декабря звучали такие речи: «Становиться в воинственную позу нам, с[оциал].-демократам не к лицу. Большинство народностей стремятся к децентрализации. Это все мелкобуржуазные по составу народности, и самое движение, конечно, не

пролетарское, а мелкобуржуазное; но оно имеет здоровые корни <...> Татары стали на здоровую, общедемократическую точку зрения, *они не стремятся к ПРЕОБЛАДАНИЮ татарской народности* (курсив, прп. наш; ср. с высказыванием Айвазова. — *Авт.*). Конечно, объявление автономного национального правительства, обнародованное на днях, — политическая нелепость. Не нужно забывать, что татар всколыхнула анархия большевистская. Местный патриотизм толкает татар оберечь Крым от анархии — отсюда стремление захватить военную силу... Сейдаметов... настроен идеалистически, он искренний человек. Необходимо соглашение с татарами». И в постановлении: «Соглашение с татарской народностью необходимо, и если явится необходимость противодействия захватным стремлениям, то только идейные парламентские формы противодействия допустимы».

Упоение фасадом, при неумении заглянуть внутрь здания, обнаружил и, казалось бы, такой опытный политик, как один из лидеров крымских кадетов, антагонистов национального движения, Д.С. Пасманик (впрочем, лучше говорить не о неумении, а о сознательном нежелании перед лицом грозной опасности — большевизма): «Как это случилось, что веками угнетенные татары дали чудный урок государственной мудрости русским гражданам, бывшим до революции единственными носителями русской государственности, это... вопрос, который заинтересует социологов и психологов. Но факт остается фактом. И все нетатарские жители Крыма, которым дороги порядок и законность, равная для всех свобода и социальная справедливость, спокойное развитие экономических и духовных сил края, должны всеми силами поддержать стремление татар к государственному строительству. Поддерживая его, мы спасем Крым, а косвенно и всю Россию, от анархии и разложения. <...> ...Не задумывают ли татары отложение Крыма? Все официальные заявления (как можно политику безоговорочно верить словам других политиков? — *Авт.*) авторитетнейших представителей крымско-татарского населения, все его официальные документы и объявленные крымско-татарские основные законы свидетельствуют о том, что имеется в виду только одно: оздоровление Крыма на благо всего крымского населения. Мы должны отнестись с полным и нераздельным доверием к татарам. Мы должны помнить: теперь перед нами только задача борьбы с анархией. Мы поэтому думаем, что все действительно государственные элементы крымского населения поддержат всеми своими материальными и духовными силами мусульманскую организацию, содействующую устройению Крыма: этого требуют жизненные интересы Крыма и России. Только созидательной работой можно бороться с разрушительной анархией и губительной демагогией».

Итак, в зависимости от подхода к вопросу о власти, в Крыму концентрируются три социальные группы. «...Земцы и остальные русские (и не только. — *Авт.*) общественные и политические деятели стояли

на почве признания правительства Керенского»; татарская группа, которая придерживалась платформы: «*Об ушедшем правительстве Керенского не жалеем, установившуюся советскую власть не приветствуем, самостоятельности Крыма добиваемся* (курсив наш. — Авт.)»; большевики. Соответственно, возникает сначала двое-, а затем и троевластие: СНП, Курултай — параллельные, парадоксально пересекавшиеся институты: члены Курултая входили в состав Совета — и леворадикальные Севастопольские совет и ревком. Приплюсуем продолжавшую действовать администрацию Временного правительства, прежде всего городские думы — реальную местную власть — и перед нами возникнет картина управленческого хаоса. 14 января 1918 года Севастопольский совет объявил о роспуске Совета народных представителей, из которого уже успели выйти социал-демократы во главе с П.И. Новицким.

Тем временем серьезные сдвиги происходят в политике соседней, чрезвычайно значимой в тот период для Крыма Украине. Действия Центральной Рады очень скоро начинают выходить за рамки двусмысленного III Универсала. В ноябре В.К. Винниченко в качестве генерального комиссара Украинской Народной Республики по внутренним делам объявил телеграммой бывшие органы Временного правительства в губернии, в том числе и губкомиссариат, подчиненными украинскому правительству (Генеральному секретариату), за чем последовали многочисленные циркуляры Киева аналогичного характера, которые, впрочем, в Крыму игнорировались. Однако особенно привлекал Раду Черноморский флот.

Еще в октябре, по поручению Центральной Рады, Д.В. Антонович вел переговоры с командованием Черноморского флота, и уже 24 октября, по согласованию с Украинским Генеральным комитетом Рады, при штабе флота официально аккредитован и поставлен на довольствие в качестве комиссара Центральной Рады капитан 2-го ранга Е.Н. Акимов. 1 ноября в Киеве учреждена Морская Генеральная Рада, а 16 ноября приказом командующего флота создана комиссия по передаче комиссару Центральной Рады крейсера «Память Меркурия».

Хотя Севастопольский совет, сглаживая страсти, признал украинизацию флота на заседании 14 ноября, тогда же была вынесена символическая резолюция: «Вражда между нами (русскими и украинцами. — Авт.) растет и грозит залить нас потоками братской крови... Наша дружба свята, вечно нерушима, мы братья по духу и крови». Подобные призывы, однако, тонули во взаимном недоверии.

Решение Рады о присоединении северных уездов Таврической губернии вызвало в Крыму всеобщее возмущение (исключая татар и большевиков). Кадеты, эсеры, меньшевики, еврейские партии, даже большинство делегатов от Северной Таврии на губернском съезде 20–23 ноября, протестуя против односторонней акции, ставили закономерный вопрос: а как же быть с волей народа, с правом на са-

моопределение, которым воспользовалась сама Рада, провозгласив независимость Украины? На упоминавшемся заседании 15 ноября эсер А.В. Либеров рассуждал: «...Вопрос об отношении к украинской республике нужно было направить... к тем жителям северных уездов Таврии, которые в один день оказались «аннексированными» украинской республикой. Между тем, Днепровский уездный съезд крестьянских депутатов отрицательно отнесся к центральной раде, Мелитопольский — отказался обсудить этот вопрос, и только одна из 29 волостей мелитопольского уезда (Покровская) высказалась за признание центральной рады... Кто же имел право решить вопрос помимо самого населения?»

В статье «Украинская Республика и Учредительное Собрание» член СЕРП И.Б. Яхинсон писал: «Положим, что каждая часть России может *самостоятельно*, не спрося других частей, соседних с ней, самоопределиваться, т.е. установить свои географические, этнографические или исторические границы... Допустим. Но ведь это самоопределение должно быть актом *народной воли*, а не большей или меньшей, пусть и организованной, но все же *группы*, какой является малая рада. <...>. Универсал об украинской республике, провозглашенный без ведома национальных меньшинств Украины, не может не вызвать среди них недовольства. <...> И ведь еще только начнутся разногласия по вопросу о границах Украины в тех губерниях, где украинцы не составляют абсолютного большинства. И кто будет разрешать эти споры о 3-х северных уездах Таврической губернии... и т.д.»

Губернский съезд советов в середине ноября высказался за проведение в северных уездах референдума по вопросу о присоединении к Украине. Время, однако, никак не благоприятствовало референдумам.

Наметившийся было союз большевиков и украинских эсеров был перечеркнут ультиматумом Совета народных комиссаров Центральной Раде 4 декабря, которой предъявлялось требование признания большевистской власти, начавшейся войной на территории Украины и провозглашением 12 декабря Украинской Советской Республики. В этом конфликте СНП занял нейтральную позицию, исключая большинство «курултаевцев», склонявшихся к совместной с Радой вооруженной борьбе с большевиками.

В час ночи 16 декабря в Севастополе на заседании, созванном Черноморским Центрофлотом, создается чрезвычайный орган — временный Военно-революционный комитет, заявивший о роспуске Севастопольского совета. Днем на объединенном заседании представителей судовых и береговых частей, президиума исполкома совета рабочих и военных депутатов, ЦК ЧФ, представителей социалистических партий и штаба революционного отряда избран Военно-революционный комитет третьего, большевистско-левозесеровского призыва: 18 плюс 2. Его возглавил Ю.П. Гавен, заявивший, что он берет всю полноту власти в городе.

18 декабря был переизбран Севастопольский совет. Большевики получили 87 мест из 235, их союзники левые эсеры — 86, меньшевики и эсеры — 94, которые 1 января вышли из состава исполкома (по другим данным: 89 эсеров, 35 большевиков и им сочувствующих, 6 меньшевиков, 6 польских социалистов, 50 беспартийных. В исполком совета избраны 11 большевиков, 3 левых эсера и 5 беспартийных). Большинство из 50 беспартийных шли с большевиками. Председателем нового исполкома стал Н.А. Пожаров. Одновременные выборы в ЦК ЧФ тоже дали преимущество большевикам и левым эсерам.

3 января 1918 года «...Исполнительный комитет обращается ко всем Советам Крымского полуострова с предложением немедленно приступить к образованию Красной гвардии для защиты завоеваний революции от посягательства контрреволюционеров, под каким бы флагом они не выступали».

Флот и город-крепость переходят в руки большевиков. По словам Ю.П. Гавена, «Севастополь стал Кронштадтом Юга». Это был третий (см. выше — *Авт.*) и, как показало самое ближайшее будущее, сильнейший и активнейший центр власти в Крыму. А ревкомы (ВРК), подменяя собою советы, распространяются по всему Крыму. Наконец 12 января создается Военно-революционный штаб, куда делегировали своих представителей ЦК ЧФ, Севастопольский ВРК, исполком Севастопольского совета и главный заводской комитет. Штаб претендовал на ведущую роль в военных вопросах, но ввиду разнобоя мнений и позиций и отсутствия своего технического аппарата реально такую осуществлять не мог.

Из конгломерата инстанций закономерно выдвинулся на первый план Черноморский Центрофлот, который более-менее реально и руководил боевыми действиями. Это был весьма оригинальный властный орган. Он «являл собой сочетание политического органа, построенного по образцу Советов (пленарные заседания, исполнительный комитет, действовавший в период между этими заседаниями, подотчетность Всечерноморским съездам) и одновременно органом руководства флотом (наличие собственного аппарата управления, включающего военно-морской или оперативный отдел). Кроме того, к услугам Центрофлота всегда был штаб флота и все его технические средства связи».

Большевики пытались ввести разбушевавшийся поток ненависти и насилия хоть в какие-то рамки. Севастопольский ВРК постановил: обыски и аресты могут производиться только по ордерам, им выданным, а все задержанные будут находиться в его ведении; дела разбираются следственными комиссиями и решаются на открытых заседаниях ревтрибунала; самочинные отряды подчиняются распоряжениям ревкома, не желающие подчиняться — разоружаются; на всех судах и во всех воинских частях избираются корабельные и ротные комиссары. Матросам воспрещалось сходить на берег без ведома судовых комите-

тов. ВРК включил в свою компетенцию борьбу с контрреволюцией и контроль над командным составом флота, крепости, гарнизона, дальнейшее формирование Красной гвардии. Севастопольский комитет РСДРП(б) выпустил 17 декабря воззвание «Против самосудов!». В нем говорилось: «Гнев народный начинает выходить из своих берегов... Партия большевиков решительно и резко осуждает самочинные расправы... Товарищи матросы! Вы знаете, что не у большевиков искать контрреволюционерам пощады и защиты. Но пусть их виновность будет доказана народным гласным судом... и тогда голос народа станет законом для всех».

Тем не менее, в ночь с 19 на 20 декабря были убиты еще 7 человек. Среди них — О. Афанасий (М.К. Чефранов), с 1908 года — священник линкора «Георгий Победоносец».

В третьей декаде декабря 1917 года вновь обострился вопрос об украинизации флота: на линкоре «Воля» был поднят украинский флаг, но в знак протеста против этого матросы — 300 русских и 400 украинцев — пригрозили покинуть корабль, команда которого состояла из 1220 человек. 23 декабря на заседании ЦК ЧФ решили созвать по данному поводу судовые и береговые комитеты. На следующий день собрание комитетов решает спустить с «Воли» украинский флаг и поднять красный.

Вскоре Центральная Рада через штаб Одесского военного округа объявила демобилизацию всех неукраинских войсковых частей на Украине и немусульманских в Крыму.

Декабрь приносит первые факты столкновений между татарами и русскими в деревнях. В городах же вызывающе ведут себя татарские эскадронцы, начинающие представлять элементарную житейскую опасность для обывателя. Первое вооруженное столкновение между матросами и татарскими частями происходит в Александровске (Запорожье). Здесь 22 декабря развернулись бои между вторым маршевым эскадроном крымского резервного кавалерийского полка и отрядом матросов, которые пытались захватить город.

Ранее, 17 декабря, части Крымского штаба принесли присягу Национальному правительству. Церемония состоялась в Симферополе. Среди прочих крымско-татарских лидеров присутствовали Дж. Сейдамет и А.С. Айвазов. Сейдамет обратился к присутствующим с примечательной речью: «Впервые воины Крыма дают торжественный обет верности собственному народу, собственной родине и собственной Конституции. Все прежние присяги вплоть до сегодняшнего дня приносились чужим властям, ибо Крым после потери им независимости должен был служить русскому царскому правительству, приносить ему присягу и нести жертвы, нужные тиранам и империалистам. Впервые клянемся мы сегодня служить мусульманскому Крыму, собственному народу и защищать свою отчизну, клянемся в верности ее Конституции и в готовности пожертвовать собой во имя собственной

нации. <...> В то время как Россия горит в огне анархии, крымские мусульмане сохраняют в Крыму покой и порядок и не забывают о своих обязанностях перед населением. <...> Татарский народ уже спасен, и он никогда не отдаст то, чего он достиг. <...> Какие бы изменения ни произошли в России, Крым и крымские мусульмане никогда не отступят с избранного и определенного их волей пути. Пусть услышит об этом весь Крым, вся Россия и даже весь мир. <...> Крымские татары не эгоистичны. Наши славные предки не задумываясь жертвовали собой в битвах за счастье других. Так и сегодня крымские татары будут стоять на страже безопасности не только собственного счастья и собственных интересов. Они защищают все население Крыма. Они думают о колыбели тюрко-татарского мира, о великом Туркестане, о Поволжье и мечтают принести и туда новую жизнь и воодушевление. <...> Никому не удастся перечеркнуть путь, предначертанный нашему народу его Конституцией. Пусть будет отсечена рука, которая на это поднимется».

20 декабря Национальное правительство обратилось к войскам Крымского штаба с воззванием «К оружию!».

Что же представляли из себя силы противников в декабре 1917 — январе 1918 года?

Крымский штаб. Кавалерийская бригада из двух полков, батарея из 4-х орудий (с запасом в 20 снарядов), мусульманский батальон, реорганизованный в полк пехоты. Последний стоял в Симферополе, включал четыре роты — около 700 солдат, а также в качестве добровольцев — учащиеся татарской гимназии. Здесь же располагалась воинская часть из 2 тысяч (весьма условная цифра) русских офицеров. Однако после очередного конфликта «курултаевцев» с русской общественностью в начале января офицеры большей частью предпочли остаться в стороне.

Курултай мог располагать 6 тысячами «национальных» штыков и сабель. На местах имелись вооруженные отряды национальной милиции.

Севастопольский ВРК. Большая часть военных судов ЧФ с экипажами, крепостная артиллерия Севастополя, направленные в пехотную службу матросы и сама пехота, рабочие отряды — Красная гвардия. Превосходство над противником — в 7–8 раз.

Попытки «курултаевцев» найти союзников среди единомышленников оказались практически безрезультатными, что продемонстрировало уже отношение последних к Курултаю. Так, во второй половине декабря 1917 года через турецкого посла в Москве Галиба Кемалья Бея Ч. Челебиев и Дж. Сейдамет передают одному из руководителей Турции Талаат Мехмеду-паше меморандум, в котором информируют турецкое правительство о национальном движении крымских татар, связях с Украиной и предлагают Турции свою помощь. Однако Талаат Мехмед-паша, не имея адекватного представления о ситуации

в Крыму, крымско-татарский фактор, в том числе и на переговорах в Брест-Литовске, не использовал. Только спустя три месяца он с горечью признал свою ошибку, которая заключалась в том, что он считал крымско-татарское движение не более чем «маленькой группой воодушевленных молодых татарских идеалистов».

Крымский штаб издает один за другим приказы: об отправке частей в приморские города (что вызвало кровавое столкновение эскадронцев с рабочими на симферопольском вокзале), о разоружении Евпаторийского гарнизона (что резко усилило напряженность и в этом городе, и в Севастополе) и солдат некрымчан, отправляемых домой; о всеобщей мобилизации (которая никак не могла быть «всеобщей» из-за установки на национальный состав воинских частей). 26 декабря напряженность между Крымским штабом и Севастопольским ВРК усилилась еще более. ВРК потребовал разоружить служивших в штабе русских офицеров, на что глава правительства Ч. Челебиев ответил категорическим отказом.

Штаб, в лице полковника Е.И. Достовалова, разрабатывает план захвата Севастопольской крепости. П.Н. Врангель вспоминает: «Хотя предложенный и разработанный полковником Достоваловым план и был всеми присутствующими на совещании (видимо, 6 или 7 января 1918 года. — *Авт.*) военными лицами, в том числе и мною и начальником штаба Макухой, признан совершенно неосуществимым, тем не менее «военный министр» (Дж. Сейдамет. — *Авт.*), выслушав присутствующих, заявил, что соглашается с полковником Достоваловым, и предложил начальнику штаба отдать немедленно распоряжение для проведения предложенного полковником Достоваловым плана в исполнение».

План, как и предполагал Врангель, оказался нереальным. Но в знак протеста против этих замыслов из СНП вышли меньшевики. Эсеры, напротив, намерения одобрили. Кстати, на своем партийном съезде 5–6 января они высказались за вооруженную борьбу с большевиками.

Итак, примерно с середины декабря волна насилия разливается по городам Крыма. Только две партии не принимают участия в этой вакханалии. Это народные социалисты, партия ненасильственных действий, и меньшевики. Все остальные политические круги, в первую очередь большевики, левые эсеры и анархисты, а также доминирующая часть «татарской партии» и эсеры стояли за вооруженные действия.

В Крыму запылала гражданская война.

Симферополь

